

АНТРОПОЛОГИЯ МИГРАЦИЙ

УДК 39+325.1

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/214-229

© *О.Б. Дашинамжилов, В.В. Лыгденова*

«ЭТНИЧЕСКИЕ» МИГРАЦИИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО НАРОДА *

В статье рассматриваются миграции бурятского народа в районах преимущественного расселения в 1959–1989 гг. Анализируются источники и методы исследования этнических миграций. Изучена территориальная специфика пространственных перемещений бурятского населения на фоне миграционных тенденций в России в целом и в восточных районах, в частности. Вычислен его механический прирост/убыль в Иркутской и Читинской областях, Бурятской АССР, определены исторические условия, факторы и географические направления миграций, роль сельско-городских перемещений. Выявлено, что буряты Иркутской области обладали самой высокой мобильностью, благодаря тесным контактам с русским населением, интенсивному аграрному и промышленному развитию региона, из-за чего механический отток из области достиг больших размеров. Если вначале была велика доля так называемых «внутренних миграций», в районах основного расселения, то постепенно роль экономических перемещений усилилась, а роль Бурятской АССР как центра притяжения ослабла. У бурят БАССР на протяжении всего рассматриваемого периода было положительное сальдо миграции за счет притока из Предбайкалья и Читинской области. Миграционная подвижность этноса здесь была значительно ниже, чем в Иркутской области, а масштабы сельско-городских миграций были невелики из-за сравнительно невысоких темпов экономического развития и менее тесных контактов с русским населением. Вместе с тем, приток бурятского населения в республику в изучаемый период последовательно снижался. В Читинской области демографический переход у бурятского населения шел медленнее, чем в других регионах преимущественного расселения. В этой связи миграционная мобильность этноса была очень низкой. Регион исторически отличался самыми невысокими темпами роста промышленного производства, меньшей была интенсивность аграрных пе-

Дашинамжилов Одон Борисович – к.и.н., научный сотрудник, Институт истории СО РАН (630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8). Эл. почта: Odon@bk.ru

Лыгденова Виктория Васильевна – к.философ.н., научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (630090 Новосибирск, ул. Ак. Лаврентьева, 17), Эл. почта: victoria.lygdenova@gmail.com

* Статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 18-09-00395 «Этнодемографическое развитие бурят в районах преимущественного расселения во второй половине XX – начале XXI вв.»

реселений. В результате буряты области дольше сохраняли традиционные виды хозяйствования, доля городских жителей была небольшой, распространённость русского языка была невысокой. Мобильность бурят усилилась в 1970-е гг., в основном миграции были направлены в БАССР. Роль республики как региона вселения упала лишь в 1980-е гг.

Ключевые слова: этнические миграции, этнодемография, буряты, Иркутская область, Читинская область, Бурятия, демографический переход

Ссылка при цитировании: Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. «Этнические» миграции: опыт историко-демографического исследования на примере бурятского народа // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 214–229.

На сегодняшний день высокий научный интерес вызывает изучение этнодемографических процессов. Однако исследователи, рассматривая демографические проблемы того или иного народа, обычно не выходят за пределы анализа их численности, территориального размещения, возрастного или семейного состава. Процессы миграции исследуются упрощенно, преимущественно с привлечением данных переписей. Все народы Советского Союза принимали участие в пространственных перемещениях, но все-таки основную роль в них играло высокомобильное русское население, которое активно участвовало в урбанизации, аграрных переселениях, заселении окраин, хозяйственном освоении малообжитых районов. При этом интенсивность и территориально-географические направления пространственных перемещений разных национальностей могли существенно отличаться. В предлагаемой статье сконцентрируем внимание на изучении миграционных процессов у бурят. По существу, это одно из первых развернутых исследований, проведенных в данном ключе. Хронологически статья охватывает 30-летний период, начиная с 1959 г. и вплоть до 1989 г.

Отдельно необходимо остановиться на источниковой базе работы. Вычленив национальные потоки миграций довольно трудно из-за специфики сбора информации советскими органами статистики. Первые данные текущего учета об этническом составе мигрантов (форма № 5) были получены в 1968 г., причем лишь по 24 административным образованиям Советского Союза. Со временем круг регионов увеличился. По нашим наблюдениям, сведения для формы № 5 «Распределение прибывших и выбывших по полу и национальности» разрабатывались только в некоторые годы (1968–1970, 1975, 1978–1980 гг.). Информация о национальном составе мигрантов стала собираться регулярно, начиная с 1988 г. вплоть до 2007 г. Существенными недостатками этой формы (до 1988 г.) являлось отсутствие сведений о перемещениях в сельской местности и последовательное сокращение количества национальностей, попадавших в статистическую разработку. Материалы в ней представлялись в самом общем виде, кроме количества прибывших и выбывших по городским поселениям, указывались также пол мигрантов и места выхода (городские поселения и сельская местность).

Именно поэтому миграционные процессы у бурят были изучены с привлечением нескольких способов. Данные переписи дают возможность проанализировать динамику роста или сокращения численности населения в районах преимущественного расселения и других административных единицах и городах. Если в каком-либо регионе (исключая Бурятскую АССР, Иркутскую и Читинскую области) представитель-

ство исследуемой национальности увеличивалось непропорционально быстро, то это косвенно указывало на миграционный приток извне. Более точным методом является исчисление механического прироста путем вычета естественного из общего прироста населения за межпереписной период. Его, например, обычно используют при расчетах сальдо миграции стран, регионов, городов или сельской местности. Для этого необходимо собрать данные о числе рождений и смертей по изучаемой национальности (форма № 3) за весь рассматриваемый период времени. При расчетах по городским поселениям и сельской местности важно принимать во внимание административные преобразования сел в поселки городского типа, которые иногда составляли важную часть механического прироста. Также необходимо помнить об ассимиляции, которая трансформировала показатели естественного прироста в основном в сторону снижения. Следовательно, данный метод можно применить для изучения ограниченного круга национальностей. Итак, резюмируя вышесказанное для анализа национальных потоков миграций нужно использовать все перечисленные источники и методы.

Иркутская область

Наше исследование начинается с Иркутской области, региона с самым активным в миграционном отношении бурятским населением¹. Отрицательное сальдо миграции области в целом за 1959–1969 гг. составило всего 6,4 тыс. чел. По сравнению с другими регионами Сибири это был низкий показатель. Например, в Кемеровской области за эти же годы отток достиг 246,6 тыс. чел., а в Алтайском крае даже 382,6 тыс. чел. Интенсивное промышленное развитие и формирование Ангаро-Енисейских территориально-производственных комплексов вызвали высокий спрос на рабочую силу в Иркутской области и Красноярском крае (Цыкунов 1991), затормозили людские перемещения в другие регионы страны.

Согласно Всесоюзной переписи 1959 г. на территории области проживало 70,5 тыс. бурят, из них 44,9 тыс. в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе. За 1959–1989 гг. численное представительство народа повысилось всего на 9,6%. По нашим подсчетам рождаемость у бурят была достаточно высокой, например, в 1959 г. она составила 4,857 ребенка на одну женщину, тогда как у всего населения – 3,069 (Лыгденова, Дашинамжилов 2020: 241–254). На протяжении рассматриваемого периода суммарный коэффициент у бурятского населения продолжал оставаться выше, а ожидаемая продолжительность жизни чуть ниже среднеобластного уровня. Следовательно, слабый численный прирост бурят можно объяснить миграцией или ассимиляцией. И, действительно, в России уже были примеры, когда численное представительство народа снизилось в основном из-за интенсивных ассимиляционных процессов. Это, например, карелы и мордва. Однако у бурят они шли еще медленно, хотя определенное влияние на демографическую динамику уже оказывали.

Например, в 1959 г. удельный вес бурят, признавших родным русский язык, составил 7,0% в 1959 г., в Бурятской АССР – 3,2%, в Читинской области – 2,1% (Национальный 1961: 246.). В текущем учете присутствуют сведения о детях, у которых отец был другой национальности. По приблизительным данным таковыми в 1959–1969 гг. в Иркутской области стали примерно 900 новорожденных (3,9%), многие

¹ Здесь имеются ввиду современные сельско-городские и межгородские миграции, а не переколки с места на место.

из них позднее во время переписей указали иную этническую принадлежность. Ассимиляция бурятского населения активнее протекала в районах относящихся непосредственно к области, в округе – менее интенсивно.

По материалам переписей за 1959–1970 гг. численность бурят Предбайкалья увеличилась на 2,8 тыс. чел., в то время как естественный прирост у них достиг 17,3 тыс. чел., то есть во много раз больше. Из этого следует, что за пределы области должны были выехать 14,5 тыс. чел., что немало для 70,0 тысячного бурятского населения. Мы попытались выявить реальную численность мигрирующих с учетом ассимиляционных процессов. Например, часть населения в смешанных семьях изменила свою этническую идентификацию относительно национальности матери, а именно по ней в текущем статистическом учете определялась принадлежность ребенка. В этой связи, реальное количество рождений, а, следовательно, естественный прирост были меньше, что, в свою очередь, оказало прямое воздействие на размеры механического прироста.

Итак, нами были получены следующие цифры: размеры реального оттока бурятского населения области были не 14,5, а 12,2 тыс. чел. Тем не менее, это по-прежнему высокие значения. Основными причинами миграционной убыли из сельской местности в России в 1960-е гг. стали ликвидация неперспективных деревень и укрупнение сельских поселений, ограничительная политика в отношении личных подсобных хозяйств, которая негативно повлияла на материальное положение сельских жителей.

Однако бурятское население, как и многие другие народы Советского Союза, менее активно вовлекалось в процессы индустриализации. По нашим данным приток в городские поселения области составил только 3,5 тыс. чел. Согласно переписям буряты вселялись в основном в Иркутск, Ангарск, Братск, поселок Усть-Ордынский. Отток из сельской местности достиг 15,7 тыс. чел. Некоторая часть механической убыли деревни сформировалась за счет преобразования сел, например, с. Бохан (1965 г.) в поселки городского типа (Городские 1980: 136). Слабые миграции в города области можно объяснить тем, что если в деревне традиционные семейно-родовые отношения позволяли рассчитывать на помощь родных и близких, легче разрешать конфликтные ситуации, упрощали взаимодействие и контакты между людьми, то в городе, особенно на индустриальном производстве, язык общения, характер межличностных и производственных отношений, ритм жизни были совсем иными.

В результате, основная часть бурят из Иркутской области переселилась в БАССР. Механический прирост бурятского населения республики в это же время был высоким – 6,9 тыс. чел., а с учетом ассимиляции – 8,8 тыс. чел. Людские перемещения из Читинской области были в то время минимальными, поэтому главную роль в миграционном потоке в Бурятию играло Предбайкалье, что подтверждают аналитические записки, подготовленные иркутским областным статуправлением. В них прямо указывалось, что причинами оттока в БАССР и промышленные центры области стали «ограничения в содержании скота и земельных угодий в личном пользовании населения» (Краткие 1970: 6).

Переселения в республику были обусловлены тем, что бурятам, как и представителям любого другого народа, было комфортнее пребывать в своей или похожей этноконфессиональной и лингвистической среде. Это немаловажный фактор начальных стадий этнических миграций. Близкое по духу сообщество позволяет легче адаптиро-

ваться к новому месту жительства, найти работу или завести знакомства, чему способствуют родственные связи или землячества, тем более, что до 1937 г. Усть-Ордынский национальный округ входил в состав Бурят-Монгольской АССР и демографические связи между ними исторически были тесными (Санжиева 2011: 10–14). Схожие тенденции миграционной мобильности демонстрировали титульные национальности центральноазиатских союзных республик, например, казахи, которые, тоже находясь на ранних этапах демографического перехода, слабо мигрировали за пределы районов преимущественного расселения, особенно в РСФСР. Одновременно с этим миграции из сельской местности в города, где высокую долю занимало пришлое население, первоначально тоже были невелики (Дашинамжилов 2018: 126).

К этому следует добавить, что Бурятская АССР рассматривалась титульным населением Усть-Ордынского и Агинского национальных округов как этнокультурный центр бурятского народа. Людей привлекали ее административный статус и относительно высокий уровень жизни. Так, например, если в 1970 г. в Иркутской области среднемесячная заработная плата составляла 150,2 руб., в БАССР – 129,0 руб., то в Усть-Ордынском национальном округе – только 113,4 руб. (Экономическое 1987: 53). Промышленное производство в округе росло медленно. Часть миграционной убыли из Предбайкалья приняли другие регионы. Так, число бурят проживающих за пределами трех регионов преимущественного расселения увеличилось с 6,7 тыс. в 1959 г. до 11,0 тыс. в 1970 г. Можно предположить, что большинство из них прибыло из Иркутской области.

Сальдо миграции всей Иркутской области в следующий межпереписной период (1970–1979 гг.) становилось положительным (14,5 тыс. чел.), благодаря введению районных коэффициентов к заработной плате в 1969 г. и началу строительства Байкало-Амурской магистрали. Численность бурятского населения области за эти годы даже сократилась на 2,2 тыс. чел. И это при том, что естественный прирост составил внушительную цифру в 9,2 тыс. чел. Миграционная убыль бурятского населения номинально вновь оказалась высокой – 11,4 тыс. чел. В 1970-е гг. интенсивность ассимиляционных процессов снова выросла. В 1979 г. в Иркутской области доля признавших русский язык в качестве родного увеличилась до 14,9% (Национальный 1990: 636). Примерно у каждого десятого ребенка, рожденного женщиной-буряткой (1,4 тыс.), отец был другой национальности. Исходя из сказанного, реальный отток бурятского населения составил не 11,4 тыс., а приблизительно 8,7 тыс. чел. Высокий отток косвенно подтверждают сведения текущего учета по Усть-Ордынскому автономному округу.

В брежневский период развития страны ограничительная политика в отношении личных подсобных хозяйств была отменена, однако ее негативные последствия для сельского населения ощущались еще долгое время. Продолжалось объединение сельских поселений, причем как показывают социологические исследования, жители мелких деревень часто предпочитали вселяться не в укрупненное поселение, а в райцентры или города. Тем не менее, эксперименты с сельским хозяйством если не прекратились полностью, то шли с намного меньшей активностью, чем при Н.С. Хрущеве. В результате миграционная убыль бурятского населения сельской местности все же уменьшилась. По нашим расчетам миграционные потери села составили 11,3 тыс., причем приток в города Иркутской области, как и прежде, был невысок – 2,6 тыс. чел. Центрами притяжения для бурят-мигрантов оставались Ангарск, Братск, Иркутск и поселок Усть-Ордынский.

Положительное сальдо миграции бурятского населения БАССР в 1970-е гг. номинально снизилось до 1,7 тыс. чел., хотя в действительности с учетом ассимиляции было гораздо больше. Усилился отток представителей народа из Читинской области. Судя по тому, что республика в 1970–1978 гг. приняла меньше, чем в предыдущее десятилетие, не менее половины бурят Предбайкалья выехала в другие регионы Советского Союза. То есть, если до начала 1970-х гг. миграция носила в основном «внутренний характер», в районах основного расселения, то теперь она все больше осовременивалась, становилась «экономической». И, действительно, численность бурят за пределами регионов преимущественного расселения повысилась с 11,0 тыс. в 1970 г. до 18,2 тыс. чел. в 1979 г., в том числе в Якутской АССР – до 4,5 тыс., в Москве, Красноярском крае и Магаданской области – до 1,1 тыс. (Национальный 1982: 41–42).

Материалы текущего учета за 1979 г. подтверждают переходную модель миграций среди бурят. Так, например, основную массу прибывших в города составляли жители сельской местности (53,6%), тогда как в целом по Иркутской области их доля – 30,8%. Среди русского населения к этому времени в миграционном обороте уже давно преобладали межгородские перемещения. Доля выбывших в сельскую местность все еще оставалась высокой – 36,5%, тогда как у всего населения составляла примерно пятую часть (21,5%) (ГАИО: ФР.–2679. Оп. 7. Д. 109. Л. 20–21). Из 3,0 тыс. чел. прибывших в города области чуть менее половины (1,4 тыс.) вселилось в областной центр – г. Иркутск.

В 1979–1989 гг. в целом по Иркутской области вновь отмечено отрицательное сальдо миграции, составившее – 8,9 тыс. чел. В это время закончился основной этап строительства БАМа, многие рабочие покинули северные районы. Численность бурят за последний межпереписной период увеличилась сразу на 6,2 тыс. чел. Благодаря предоставлению женщинам в 1981 г. частично оплачиваемого отпуска по уходу за новорожденным ребенком, высоким общественным ожиданиям периода Перестройки, активизации государственной социальной политики рождаемость у бурят не упала, а сохранилась приблизительно на прежнем уровне. Наряду с этим, в результате антиалкогольной компании снизилась смертность. Естественный прирост достиг 13,8 тыс. чел. Значительный, по сравнению с 1960–1970 гг. демографический рост стал следствием снижения миграционной активности сельского населения, что подтверждают данные всероссийских статистических сборников. Это связано, во-первых, с государственной политикой, нацеленной на повышение уровня жизни жителей деревни; во-вторых, со снижением темпов роста промышленного производства в стране, сконцентрированного в основном в городах (Численность 1990: 47).

Так, если в 1970 г. заработная плата в основном в сельском Усть-Ордынском автономном округе составила 75,5% от уровня преимущественно городской Иркутской области, то в 1986 г. – 82,0% (Экономическое 1987: 53). Механическая убыль бурятского населения с учетом ассимиляции уменьшилась примерно до 5,5 тыс. чел. Размеры миграций в города области вновь снизились и составили 1,2 тыс. чел. Самыми быстрыми темпами росло бурятское население Иркутска. Так, за 1970–1989 гг. оно увеличилось с 4,6 тыс. до 9,2 тыс. чел. или ровно в два раза, в Ангарске – примерно на треть (с 3,2 до 4,2 тыс.), в Братске – в полтора раза (с 0,5 до 0,8 тыс.). В 1989 г. довольно много бурят проживало в Усолье-Сибирском (0,8 тыс. чел.) и Усть-Илимске (0,4 тыс.). Что интересно, согласно последней советской переписи в некоторых городах численность бурятского населения уменьшилась. Например, за 1979–1989 гг.

в Тулуне она сократилась с 154 до 74 чел., Нижнеудинском горсовете – с 107 до 99 чел., Черемховском – с 469 до 367 чел. и т.д. (Национальный 1992). Вероятнее всего, это произошло из-за ассимиляции и недостаточного миграционного притока, вызванного медленным промышленным ростом перечисленных городов.

Судя по всему, более половины бурят переместилось не в БАССР, а в другие регионы страны. Положительное сальдо бурятского населения республики в 1979–1988 гг. снизилось до 2,1 тыс. чел. Их численность в других регионах повысилась с 18,2 тыс. до 27,9 тыс. чел., но на этот раз значительную часть прироста обеспечила рождаемость, а не миграция. Наибольшее представительство по-прежнему отмечено в Якутской АССР (8,5 тыс.), среди других административных образований выделялись Магаданская область (1,6 тыс.), г. Москва и Красноярский край (по 1,5 тыс.). Из союзных республик можно отметить Казахскую ССР, где переписью было учтено 1,2 тыс. чел. (Национальный 1990: 32).

Итак, миграция бурят Иркутской области отличалась высокой интенсивностью, в результате чего их численность росла очень медленно. Всего за 1959–1989 гг. область покинуло около 26,4 тыс. бурят. Основными причинами оттока стали невысокий уровень жизни, и исторически высокая мобильность бурятского населения Предбайкалья, которая возникала вследствие интенсивного промышленного развития Иркутской области и тесных контактов с активно мигрирующим русским населением.

Республика Бурятия

В БАССР проживала основная часть бурятского народа. Рост экономики республики был значительным, за 1960–1969 гг. промышленное производство, как и в Иркутской области, увеличилось в 2,3 раза. Быстрее в Восточной Сибири развивался лишь Красноярский край (в 2,5 раза), а медленнее всех – Читинская область (на 70,0%). Строились новые предприятия, старые реконструировались и оснащались новым оборудованием (История 2011: 223–227). Сальдо миграции БАССР в целом в 1959–1969 гг. оказалось положительным – 4,0 тыс. чел.

За 1959–1989 гг. численность бурятского населения БАССР увеличилась с 135,8 тыс. до 249,5 тыс. чел. или 83,7%, тогда как всех жителей республики – примерно в полтора раза (на 54,2%). Рождаемость у изучаемого народа на всем протяжении исследуемого периода была выше, чем у русского населения, причем смертность достаточно быстро снизилась до среднереспубликанского уровня. В 1959–1970 гг. численный состав титульного населения повысился сразу на 42,9 тыс. чел. или почти на треть (31,6%) (Национальный 1975: 75). Основную часть этого времени буряты находились на первой фазе демографического перехода, а рождаемость у них в 1958/1959 гг. составила 5,067 ребенка на одну женщину. Естественный прирост достиг 36,0 тыс. чел. Одновременно в 1960-е гг. механический прирост бурятского населения оказался самым высоким за весь исследуемый период. По нашим расчетам в БАССР без учета ассимиляции прибыло 6,9 тыс. чел., главным образом, из Иркутской области. По данным текущей статистики из 52,2 тыс. детей, рожденных бурятскими женщинами в 1959–1969 гг., только у 353 отец был другой национальности (0,7%). Следовательно, ассимиляционные процессы шли медленнее, чем в Предбайкалье. Это подтверждают переписные данные, по которым в Бурятской АССР в 1959 г. только 3,2% признало родным русский язык. При условии учета ассимиляции реальный механический прирост у бурятского населения составил 8,8 тыс. чел.

Мобильность бурят-сельских жителей республики в то время была значительно ниже, чем в Предбайкалье. Это сложилось исторически, под влиянием комплекса причин. Прежде всего, коренное население территорий, которые затем вошли в состав Бурятской АССР, меньше контактировало с аграрными переселенцами, хуже знало русский язык, обычаи, культуру, социальную и хозяйственную организацию русского общества. Следовательно, переход на оседлость, освоение культуры земледелия, то есть процессы, которые, видимо, должны способствовать современной урбанизации и интенсивным сельско-городским миграциям в Бурятии, шли медленнее.

Основу экономики составляло традиционное кочевое скотоводство, поэтому переход к оседлости и создание в идеале высокопродуктивного зернового хозяйства стали важными задачами коллективизации, проводимой в республике. В таких исторических условиях в массовом переселении в город местное бурятское население еще не было заинтересовано. В свою очередь, миграционную мобильность коренных жителей Предбайкалья кроме прочего подстегивало интенсивное хозяйственное развитие Иркутской области, которая еще с дореволюционного времени имела более развитую экономику. Важнейшие региональные промышленные центры (Ангарск, Иркутск, Усолье-Сибирское, Черемхово) располагались вблизи от мест преимущественного расселения иркутских бурят. В Бурятии индустриальное производство было не только меньшим по размеру, но и являлось территориально сконцентрированным. В конце 1950-х гг. большая часть крупных промышленных объектов географически располагались в нескольких местах, в основном в г. Улан-Удэ, следовательно, их «урбанизационное» влияние на титульное население было слабым. Несмотря на то, что в 1960-е гг. происходил рост интенсивности миграций, отрицательное сальдо сельской местности составило всего 5,6 тыс. чел., то есть гораздо меньше, чем в Иркутской области (15,7 тыс.), которая по численности бурят в 1959 г. в два раза уступала республике.

Если рассматривать экономические перемены следующего десятилетия в БАССР, то, например, за 1970–1975 гг. прирост промышленного производства составил 48,0%, то есть по-прежнему меньше, чем в Красноярском крае (51,0%) или Иркутской области (50,0%) (Народное 1976: 50). Разница в размерах заработной платы между данными регионами в 1970-е гг., по сути, сохранилась прежней. Следовательно, экономическая привлекательность республики не изменилась, рабочая сила в экономике была все еще высоко востребована. Так, например, за девятую пятилетку, в 1971–1975 гг. в строй вступили несколько крупных промышленных предприятий: Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат, завод мостовых и металлических конструкций, Холбоьджинский угольный разрез, первая очередь Гусиноозерской ГРЭС, во второй половине 1970-х гг. началось строительство Байкало-Амурской магистрали (Базаров 2011: 269–272).

В 1970–1979 гг. численность бурят в БАССР выросла с 178,7 тыс. до 206,9 тыс. чел. или на 15,8%, то есть значительно меньше, чем в 1960-е гг. Это, прежде всего, стало следствием резкого сокращения рождаемости по всей стране. В результате размеры естественного прироста упали с 36,0 тыс. до 26,5 тыс. чел. За 1970-е гг. процессы ассимиляции активизировались, доля детей, у которых отец был другой национальности, повысилась с 0,7% до 2,3%. Механический прирост у бурят республики снизился до 5,2 тыс. чел.

Сокращение положительного сальдо произошло из-за уменьшения количества прибытий из Иркутской области, где у бурятского населения влияние мотивов кон-

солидации уменьшилось. Все больше людей стало уезжать не в БАССР, а в другие экономически более развитые регионы. Размеры миграций читинских бурят в республику, наоборот, в 1970-е гг. увеличились. Следует предположить, что в эти годы в миграционном приросте бурятского населения республики Иркутская и Читинская области приняли равное участие. Кроме Якутской АССР, Москвы, Магаданской области, немало его представителей (если не считать Красноярского края) мигрировало в рамках Сибири. В Томской области за 1970–1979 гг. его численность увеличилась в полтора (с 277 до 420 чел.), а в Новосибирской области почти в два раза (с 345 до 670 чел.). Областные центры данных регионов имели развитую систему высшего образования и привлекали много молодежи всех национальностей не только из Сибири, но и из Казахстана и Средней Азии. Численность бурятского народа в других сибирских административных образованиях была сравнительно невысокой, а в Кемеровской области даже сократилась.

Отток из сельской местности в 1970-е гг. значительно усилился, составив, по нашим данным, около 21,1 тыс. чел., одновременно с этим механический прирост городских поселений достиг 26,3 тыс. чел. Между тем по России в целом среднегодовая механическая убыль деревни (включая административные преобразования сел в пгт) по сравнению с предыдущим десятилетием, наоборот, несколько снизилась (Демографический 1997: 23). Миграцию из села стимулировали следующие факторы: тяжелый и низкооплачиваемый труд; дефицит коммунальных служб, благодаря которым жители городов были избавлены от неудобств деревенской жизни (например, отсутствия центрального отопления или горячей воды); нехватка культурно-бытовых, торговых и, особенно, образовательных учреждений.

Строго говоря, эти факторы существовали и раньше, однако в глазах бурятского населения они тогда еще не воспринимались как серьезные недостатки. Отзывы знакомых и родственников, распространение средств массовой информации (газеты, телевидение) повышали мотивацию к переезду в город. Центром притяжения мигрантов стал Улан-Удэ, где численность титульного населения БАССР за 1970–1979 гг. выросла с 32,0 до 50,0 тыс. чел. Причем солидная часть механического прироста в 1970-е гг. образовалась через многочисленные преобразования сельских поселений в поселки городского типа. Например, в 1973 г. в республике повысили административный статус Багдарин, Баргузин, Джида, Заиграево, Иволгинск, Хоринск, в 1975 г. – Кырен, тогда как в 1960-е гг. – только Селенгинск (1961 г.).

Если рассматривать данные текущего учета за 1979 г. о национальном составе городских мигрантов, то основная масса, также как в Иркутской области, прибывала из сельской местности (57,8%), в целом по республике – 38,7%. Доля выбывших в сельскую местность среди бурят тоже была выше, чем в Предбайкалье (45,3%). Если брать данные за 1975 г., то там доля прибывших в города из сельской местности достигла 63,4%, а выбывших из городов в сельскую местность было даже больше, чем в другие городские поселения (ГАРБ: ФР.–196. Оп. 1/8. Д. 69. Л. 71–72). Эти статистические материалы косвенно подтверждают более позднее вовлечение бурят в БАССР в миграционные процессы по сравнению с соплеменниками из Иркутской области.

В 1980-е гг. активность пространственных перемещений снизились вследствие снижения темпов роста экономики и, следовательно, сокращения спроса на рабочую силу. Так, например, в 1980–1985 гг. промышленное производство в Восточной Сибири увеличилось только на 18,0%, тогда как десятилетием ранее (1970–1975 гг.) – на

50,0%. Во второй половине 1980-х гг. развитие индустриальных отраслей замедлилось еще больше. Влияние торговли, строительства, транспорта и связи, здравоохранения, образования на пространственные перемещения, по-прежнему, было относительно невелико. В трудоспособный возраст стали входить лица, рожденные уже непосредственно в городах. Продовольственное обеспечение горожан во второй половине 1980-х гг. ухудшилось из-за нарастания дефицита потребительских товаров.

В то же время повысился уровень жизни сельских жителей. Был принят нормативные документы, в которых предлагалось увеличить производительность сельского хозяйства и материальное благосостояние деревни. Например, в мае 1982 г. была утверждена хорошо известная «Продовольственная программа СССР на период до 1990 года». В том же году вышло постановление Совета Министров «О комплексном развитии сельского хозяйства в районах Сибири, Дальнего Востока и Курганской области». Разница в доходах жителей города и села (с учетом приусадебных хозяйств) заметно сократилась. Согласно данным социологов доля лиц, желающих покинуть деревню и переехать в город, снизилась с 23,0% в 1967 г. до 14,0% в 1982 г. (Заславская 1987: 71). В результате среднегодовая механическая убыль российского села упала с 957,0 тыс. в 1970–1978 гг. до 491,3 тыс. чел. в 1979–1988 гг. (Демографический 1998: 21).

Баланс пространственных перемещений складывался для всего населения Бурятской АССР положительно. Если в предшествующий межпереписной период миграционная убыль составила 3,8 тыс. чел., то в 1979–1988 гг. был отмечено положительное сальдо в размере 6,3 тыс. чел. Численность бурятского населения республики увеличилась на 20,6% главным образом за счет сокращения смертности в период антиалкогольной компании и сохранения рождаемости на прежнем уровне. Итак, демографический рост у бурят в 1980-е гг. был достигнут почти исключительно за счет естественного прироста, тогда как сальдо миграции вновь снизилось до 2,1 тыс. чел.

Расчеты подтверждают, что механическая убыль сельской местности уменьшилась, но размеры снижения оказались невелики (с 21,1 тыс. до 20,1 тыс. чел.). Если учитывать, что почти все городские поселения (г. Северобайкальск, поселки городского типа Таксимо, Кичера, Янчукан) возникли рядом с БАМом, где титульного населения было мало, то реальный отток бурят из деревни по сравнению 1970-ми гг. даже вырос. Следовательно, политика экономической поддержки аграрной сферы оказала меньшее воздействие на коренное население БАССР. Механический прирост городов снизился с 26,3 тыс. до 22,2 тыс. в основном из-за сокращения прибытий из-за пределов республики. Низкая доля горожан среди бурят и, следовательно, высокий миграционный потенциал сельской местности не способствовали снижению размеров сельско-городских перемещений. Можно предположить, что на ранних или промежуточных фазах демографического перехода, когда миграции из деревни в город только набирают обороты, этот процесс довольно сложно приостановить. В целом за 1959–1989 гг. положительное сальдо бурятского населения Республики Бурятия составило 16,1 тыс. чел. Материалы Всесоюзной переписи 1989 г., извлеченные из текущего архива Бурятстата, косвенно подтверждают наши расчеты. Распределение 249,5 тыс. бурят по месту рождения показывает, что из них 215,1 тыс. родились непосредственно в республике, 24,4 тыс. – в Иркутской области, 6,8 тыс. – в Читинской.

Читинская область

В Читинской области миграционные процессы шли иначе, чем в Предбайкалье или БАССР. Демографический переход у бурят шел медленнее, особенно в Агинском автономном округе, что отразилось на их мобильности. Область исторически не рассматривалась центральными государственными органами как регион интенсивного промышленного освоения, ее значение было, в первую очередь, военно-стратегическим. Недостаточно высокие темпы развития экономики и промышленного производства, территориально-географическая удаленность косвенно помогли дольше сохраниться традиционному образу жизни и хозяйствования. На это указывает, например, низкий уровень урбанизации. В городах Читинской области в 1959 г. проживало всего 7,6% бурятского населения, тогда как в БАССР – 16,6, в Иркутской области – 17,6%. При этом в областном центре (г. Чита) было зафиксировано только 22,6% бурят-горожан (Текущий архив: Л. 14), тогда как в Предбайкалье и Бурятии они предпочитали селиться в крупных городах.

Территориально-географически Усть-Ордынский национальный округ примыкал к хорошо заселенным и экономически развитым районам и городам Иркутской области, поселок Усть-Ордынский находился всего в 65 км от областного центра. В то время как поселок Агинское располагался в 165 км от г. Чита, а окружающие одноименный округ районы были слаборазвитыми в промышленном отношении. Земледелие не получило в округе широкого распространения (Асалханов 1963; Кудрявцев 1940). Так как аграрные переселения шли не очень активно, а промышленность в экономике играла небольшую роль, в национальном составе доля изучаемого этноса оказалась выше, чем в Усть-Ордынском национальном округе (47,6% против 33,7%). В социально-классовой структуре бурят Читинской области удельный вес колхозников оказался самым высоким среди регионов преимущественного расселения. В сельском и лесном хозяйстве было занято абсолютное большинство (80,1%) населения, тогда как в промышленности всего 3,4%. По уровню образования читинские буряты также уступали соплеменникам из Иркутской области и БАССР. В результате рождаемость у них оказалась самой высокой среди трех регионов.

Как уже говорилось выше, экономический рост в Читинской области шел медленнее. Промышленное производство увеличилось за 1960–1969 гг. в 1,7 раза, тогда как в Бурятии и Иркутской области – в 2,3, а в Красноярском крае – в 2,5 раза. В это время на территории Красноярского края и Иркутской области формировались крупнейшие в Восточной Сибири Ангаро-Енисейские территориально-производственные комплексы. В 1960-е гг. в этих двух регионах появилось немало новых городов, тогда как в Читинской области только один – Краснокаменск (1969 г.) (Городские 1991: 231). Из промышленных строек можно выделить сооружение крупной ГРЭС и камвольно-суконного комбината в Чите (Гордеев 2007). Недостаточные темпы индустриального развития в совокупности с другими причинами привели к миграционному оттоку из области, который в 1959–1969 гг. достиг 75,7 тыс. чел.

Теперь проанализируем, как в таких условиях развивались миграции у бурятского населения. За период с 1959 по 1970 гг. его численность в области увеличилась с 40,0 тыс. до 51,6 тыс. чел. или на 29,2%. Ассимиляционные процессы у читинских бурят шли медленнее, хотя со временем стали идти по нарастающей. Механический отток по нашим подсчетам составил всего 0,6 тыс. чел., то есть гораздо меньше, чем в Предбайкалье (12,2 тыс. чел.). Укрупнение сельских поселений и ограничения

личных подсобных хозяйств не вызвали всплеска миграций. Значительно увеличилась представленность бурят в областном центре (г. Чита), но это произошло от их низкого базового уровня.

Интересно, что если в Читинской области промышленность росла относительно медленно, то для Агинского национального округа, судя по данным статистики, 1960-е гг. стали временем серьезных перемен. Индустриальное производство, которое изначально было плохо развито, увеличилось за десятилетие не менее чем в три раза (Экономика 1970: 14; Народное 1987: 13). Значительно выросли добыча известняка, заготовки древесины, выработка электроэнергии. Большие средства были вложены в строительство крупного горно-обогатительного комбината, вблизи которого в 1969 г. был основан новый поселок – Новоорловск. По данным текущего учета сальдо миграции Агинского национального округа оказалось положительным. Расчетные данные тоже подтверждают механический прирост в 1960-е гг., правда, небольшой по величине (0,5 тыс. чел.). Мобильность бурятского населения была не очень высока, так как этнос долгое время, вплоть до 1980-х гг., находился на первой фазе демографического перехода. Высокой рождаемостью и слабой миграционной активностью объясняется его значительный численный прирост в это время.

Малоизвестным фактом является то, что в Агинском национальном округе уровень жизни в 1960-е гг. был сравнительно высоким. Так, например, в 1970 г. среднемесячная заработная плата в округе составила 128,9 руб., тогда как в целом в Читинской области немногим выше – 130,0 руб. (Народное 1987: 61). В Усть-Ордынском национальном округе ее размер был ниже – 113,4 руб. (Иркутская область – 150,2 руб.). Причем в БАССР, о чем уже упоминалось, заработная плата составляла 129,0 руб. Итак, низкая миграционная мобильность бурятского населения была обусловлена взаимодействием множества разнообразных исторических, экономических и культурных факторов. Номинально высокая механическая убыль сельской местности – 4,4 тыс. чел. и значительный прирост в городах – 3,8 тыс. чел. объясняются административно-территориальными преобразованиями сел с большим бурятским населением в поселки городского типа (Агинское – 1959 г., Могойтуй – 1966 г.).

В 1970-е гг. людской отток из Дальнего Востока и Читинской области, в частности, сократился, благодаря введению районного коэффициента к заработной плате (*1,2) в 1968 г. и строительству БАМа. В конце 1960-х гг. началось сооружение Приаргунского горно-химического комбината, которое продолжилось и в 1970-е гг. Отрицательное сальдо миграции Читинской области снизилось с 75,7 тыс. чел. в 1959–1969 гг. до 44,1 тыс. в 1970–1978 гг.

В 1970–1979 гг. мобильность бурят начинает повышаться. Их численность увеличилась с 51,6 тыс. до 56,5 тыс. чел. или на 9,4%. В этот раз из области выбыло действительно много людей – 3,1 тыс., хотя и масштабы убыли, и миграционная подвижность по-прежнему были ниже, чем в Предбайкалье. Механический прирост городов составил 1,6 тыс. чел., доля административных преобразований сел в поселки городского типа по сравнению с предыдущим десятилетием оказалась небольшой. Отток бурятского населения из сельской местности достиг 4,7 тыс. чел.

Как показывает исторический опыт, в условиях демографического перехода миграционная мобильность повышается, и буряты не стали исключением. Притягательность городской жизни в глазах сельских жителей все время растет, однако, как и в случае с Предбайкальем, основной поток мигрантов первоначально отправился

в направлении БАССР. Следовательно, миграции в первое время тоже носили в основном «внутренний характер», в районах основного расселения. Распространение русскоязычия, повышение образовательного уровня (среднего и высшего), рост охвата населенных пунктов теле-, радиовещанием и телефонными услугами, увеличение количества библиотек, кинотеатров, театров и музеев, клубных учреждений помогли существенно расширить горизонты сознания людей, усилить их желание покинуть родные места. К тому же в 1970-е гг. уровень жизни в Агинском автономном округе стал повышаться медленно. Например, в Усть-Ордынском автономном округе за 1970–1980 гг. средняя ежемесячная заработная плата увеличилась почти в полтора раза (с 113,4 до 167,2 руб.), в то время как в Агинском – только на 20,5% (с 128,9 до 155,3 руб.). Если в 1970 г. оплата труда в Читинской области и Агинском автономном округе почти не отличалась, то спустя 10 лет разница между ними заметно увеличилась не в пользу последнего.

В 1980-е гг. отрицательное сальдо миграции всей Читинской области сократилось до минимума – 18,2 тыс. чел. На уменьшение оттока повлияли те же факторы, что и в других регионах РСФСР. Это, прежде всего, улучшение материального положения сельчан. По нашим расчетам отток бурятского населения тоже несколько сократился (с 3,1 тыс. до 2,6 тыс. чел.). Города области приняли около 3,0 тыс. чел., миграционная убыль из деревни выросла и составила 5,6 тыс. чел. Судя, по косвенным признакам, весомая часть бурят Читинской области переселилась не в БАССР, а в другие места, например, в регионы Дальнего Востока. Это указывает на начало перелома в пространственных перемещениях, при котором значение «внутренних» миграций постепенно снижается. Общий отток бурят из области в 1959–1989 гг. составил около 6,3 тыс. чел.

Итак, результаты нашего исследования показали, что общероссийские и региональные тенденции в пространственных перемещениях населения и характер этнических миграций далеко не всегда совпадали. По нашему мнению, отличия возникли вследствие нескольких причин. Во-первых, на начальных и промежуточных этапах демографического перехода мобильность ниже, чем у всего населения в целом. Во-вторых, доля миграций в районах основного расселения («внутренних») является высокой, что оказывает воздействие на территориально-географические направления пространственных перемещений. В-третьих, даже когда миграционная подвижность начинает повышаться, а значение «внутренних» переселений падать, территориальная специфика перемещений продолжает сохраняться. Также выявлены существенные различия в активности миграций бурятского населения Иркутской, Читинской областей и БАССР, которые были обусловлены спецификой исторического, социально-экономического и культурного развития этих регионов.

Источники и материалы

- Городские поселения 1980 – Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1980. (ДСП). 150 с.
- Городские поселения 1991 – Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат РСФСР, 1991. 269 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области (ГАИО). ФР.–2679. Оп. 7. Д. 109. Л. 20–21.
- ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). ФР.–196. Оп. 1/8. Д. 69. Л. 71–72.
- Демографический ежегодник 1997 – Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1997. 580 с.

- Демографический ежегодник 1998 – Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1998. 398 с.
- Краткие итоги 1970 – Краткие итоги развития народного хозяйства Усть-Ордынского бурятского национального округа Иркутской области за 1966–1970 гг. Иркутск, 1970. (ДСП). 43 с.
- Народное хозяйство Агинского 1987 – Народное хозяйство Агинского Бурятского автономного округа (1937–1986 гг.). Юбил. стат. сб. Агинское, 1987. (ДСП). 41 с.
- Народное хозяйство РСФСР 1976 – Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Стат. ежегодн. М., 1976. 519 с.
- Национальный состав 1992 – Национальный состав населения области. Статистический сборник по материалам переписи населения 1989 г. Иркутск, 1992. 72 с.
- Национальный состав 1961 – Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. (ДСП). 434 с.
- Национальный состав 1975 – Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1975. (ДСП). 200 с.
- Национальный состав 1982 – Национальный состав населения РСФСР. (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М.: ЦСУ РСФСР, 1982. (ДСП). 226 с.
- Национальный состав 1990 – Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. 747 с.
- Текущий архив – Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. Динамические ряды, г. Чита. Л. 14.
- Экономика и культура 1970 – Экономика и культура автономных областей и национальных округов. Стат. сб. М., 1970. (ДСП). 400 с.
- Экономическое и социальное 1987 – Экономическое и социальное развитие Усть-Ордынского Бурятского автономного округа за 50 лет. Иркутск, 1987. (ДСП). 74 с.
- Численность, состав 1990 – Численность, состав и движение населения в РСФСР. Стат. сб. М., 1990. 312 с.

Научная литература

- Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 494 с.
- Дашинамжилов О.Б. Городское население Западной Сибири в 1960–1980-е годы: Историко-демографическое исследование. Новосибирск: Наука, Изд-во СО РАН, 2018. 368 с.
- Базаров Б.В. (гл. ред.). История Бурятии: В 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 464 с.
- Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в. Очерки. М.; Л.: АН СССР, 1940. 242 с.
- Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Региональные аспекты демографической модернизации бурятского населения на примере Иркутской и Читинской областей во второй половине XX – начале XXI вв. // Вестник антропологии, 2020. № 2. С. 241–254.
- Гордеев Н.В. (гл. ред.). Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область. Т. 2. Чита: Экспресс-издательство, 2007. 240 с.
- Санжиева Т.Е. Миграции бурят в период присоединения к России // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 10–14.
- Заславская Т.И. (отв. ред.). Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск: Наука, 1987. 447 с.
- Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 176 с.

Dashinamzhilov, Odon B., and Victoria V. Lygdenova

«Ethnic» migrations: a historical and demographic research of the Buryat people

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/214-229

The paper studies migration patterns of the Buryat people in the areas with dense Buryat population in 1959–1989. The sources and methods of studying ethnic migrations are analyzed. The territorial specifics of movements of the Buryat population in the context of migration trends in Russia in general and in the Eastern regions in particular are examined. Net migration rate in the Irkutsk and Chita regions and the Buryat ASSR was calculated. Historical conditions, factors and geographical directions of migration, and the role of rural-urban movements were identified. It was revealed that the Buryats of the Irkutsk region had the highest mobility, due to close contacts with the Russian population, intensive agricultural and industrial development of the region, which is why the migration outflow from the region dramatically increased. At first, most migrations were within the studied areas, but then the role of economic movements gradually increased, and the role of the Buryat ASSR as a center of attraction weakened. During the entire period under review, the Buryats of the BASSR had a positive net migration rate due to inflows from the Baikal region and the Chita region. The migration mobility of this ethnic group was significantly lower than in the Irkutsk region, and the rural-urban migration rate was low due to relatively slow economic development and less contacts with the Russian population. At the same time, the influx of Buryat population to the Republic in the studied period consistently decreased. In the Chita region, the demographic transition of the Buryat population was slower than in other regions under consideration. The region has historically had the lowest industrial production growth rates, and the agricultural migrations were less intensive. As a result, the Buryats of the Chita region had long maintained traditional economies, the share of urban residents was low, and Russian language use was not widespread. The mobility of the Buryats increased in the 1970s, and migrations were mainly directed to the BASSR. The role of the Republic as a destination for migrant flows only declined in the 1980s.

Keywords: *ethnic migrations, ethnical demography, the Buryats, the Republic of Buryatia, Irkutsk region, Chita region, demographic transition.*

For citation: Dashinamzhilov, O.B., and V.V. Lygdenova 2021. «Ethnic» migrations: a historical and demographic research of the Buryat people. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 214–229.

Author Info:

Dashinamzhilov, Odon B. – PhD, researcher, Institute of History Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Nikolaev street 8). E-mail: odon@bk.ru

Lygdenova, Victoria V. – PhD, researcher, Institute of Archeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Prospect Lavrentieva 17). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI, project No. 18-09-00395).

References

- Asalkhanov, I.A. 1963. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Yugo-Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v.* [Socio-economic development of South-Eastern Siberia in the second half of the XIX century]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Dashinamzhilov, O.B. 2018. *Gorodskoe naselenie Zapadnoi Sibiri v 1960–1980-e gody: Istoriko-demograficheskoe issledovanie* [Urban population of Western Siberia in the 1960s and 1980s: a Historical and demographic study]. Novosibirsk: Nauka, Izdatel'stvo SO RAN.
- Bazarov, B.V., ed. 2011. *Istoriia Buriatii* [History of Buryatia]. Vol. 3. XX–XXI vv. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN.
- Kudriavtsev, F.A. 1940. *Istoriia buriat-mongol'skogo naroda ot XVII v. do 60-kh gg. XIX v. Ocherki* [History of the Buryat-Mongol people from the XVII century to the 60s of the XIX century. Essays]. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Lygdenova, V.V., Dashinamzhilov, O.B. 2020. *Regional'nye aspekty demograficheskoi modernizatsii buriatskogo naseleniia na primere Irkutskoi i Chitinskoi oblastei vo vtoroi polovine XX – nachale XXI vv.* [Regional aspects of demographic modernization of the Buryat population on the example of Irkutsk and Chita regions in the second half of the XX-early XXI centuries]. *Vestnik antropologii* 2: 241–254.
- Gordeev, N.V., ed. 2007. *Ocherki istorii Vostochnogo Zabaikal'ia. Chitinskaia oblast'* [Essays on the history of Eastern Transbaikalia. Chita region]. Vol. 2. Chita: Ekspres-izdatel'stvo.
- Sanzhieva, T.E. 2011. *Migratsii buriat v period prisoedineniia k Rossii* [Migration of Buryats during the period of joining Russia]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* 7: 10–14.
- Zaslavskaiia, T.I., ed. 1987. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sibirskogo sela* [Socio-economic development of the Siberian village]. Novosibirsk: Nauka.
- Tsykunov, G.A. 1991. *Angaro-Eniseiskie TPK: problemy i opyt (istoricheskii aspekt)* [Angara-Yenisei TPC: problems and experience (historical aspect)]. Irkutsk: Izdatel'stvo irkutskogo universiteta.